

УДК 32

Социальный конструктивизм о проблемах безопасности

Коньшев Валерий Николаевич

Доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
191060, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3;
e-mail: konyshev06@mail.ru

Сергунин Александр Анатольевич

Доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
191060, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3;
e-mail: sergunin60@mail.ru

Субботин Сергей Викторович

Кандидат исторических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде,
603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12;
e-mail: ssubbotin@hse.ru

Аннотация

В статье рассматривается трактовка концепции безопасности в рамках одной из современных теорий международных отношений – социального конструктивизма. Авторы придерживаются мнения, что конструктивизм является одним из направлений в эволюции постпозитивистской парадигмы современной теории международных отношений, включающей в себя также постфеминизм, постмарксизм и постмодернизм. Рассматриваются методологические приемы и содержание концепций, которые предлагают представители конструктивизма для изучения вопросов безопасности: социальное конструирование, идентичность, тождество языка и политики, дискурсный анализ, секьюритизация. Авторы приходят к выводу, что конструктивизм страдает от ряда недостатков, в том числе эклектизма, ошибочности некоторых базовых положений и методологических принципов, недостаточной строгости вводимых понятий. Тем не менее конструктивизм предлагает по-новому взглянуть на проблему безопасности в ряде аспектов, которые недостаточно разработаны традиционными («позитивистскими») теориями международных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 94-112.

Ключевые слова

Постпозитивизм, социальный конструктивизм, секьюритизация, дискурсный анализ.

Введение

Теория социального конструктивизма для изучения международно-политических процессов пользуется заметной популярностью. К ее привлекательным особенностям относят новации как в области методологии, так и в концептуальном аппарате современной теории международных отношений. Показательно то, что элементами конструктивизма пользуются представители не только постпозитивизма (постмодернизм, постфеминизм, постмарксизм) [Конышев, Сергунин, 2013], но даже тех направлений политической теории, которые достаточно далеки от идей конструктивизма. В этой связи необходимо прояснить, каковы истоки социального конструктивизма, в чем собственно его новизна, каковы плюсы и минусы конструктивизма как научного инструмента для изучения политики.

Впервые конструктивизм возник за пределами теории международных отношений и во многом связан с советским искусством 1920-х годов, корни которого уходят к русскому авангарду. В архитектуре и декоративно-оформительском искусстве конструктивизм развивался под лозунгом создания такой окружающей среды, которая бы активно влияла на каждодневную жизнь общества. Сторонники конструктивизма пытались пересмотреть эстетические принципы, противопоставив идее роскоши простоту исходных форм и их функциональную полезность. Для этого разрабатывались простейшие наборные элементы, из которых создавалось многообразие в проектировании жилых кварталов и зданий, в новых моделях одежды и мебели. В изобразительном искусстве конструктивизм привел к использованию коллажей, фотомонтажа, геометрических фигур и упрощению палитры. В скульптуре на место художественных форм приходили абстрактные конструкты, которые создавались непосредственно из продукции промышленного производства.

Идеи конструктивизма на протяжении всего XX века были популярны не только в искусстве, но и в общественных науках. Однако неверно видеть прямую преемственность идей конструктивизма в искусстве и в общественных науках. Скорее, это было параллельное развитие, в котором наблюдались лишь аналогичные признаки (например, принцип полезности элемента конструкции), но при этом имелось весьма существенное отличие. Если в искусстве в понятие конструкции вкладывается упрощение, формализм, механистичность и

абстрактность, то в общественных науках речь идет о конструировании в другом смысле – о взаимном влиянии человека и общества через систему знания. Социальный конструктивизм сначала возник в психологии (Лев Выготский, Жан Пиаже) и социологии (Питер Бергер, Томас Лукман).

Социальный конструктивизм предполагает, что социум не следует сводить к заранее заданным условиям развития и воспитания человека. Рождаясь, человек не просто «погружается» в общество и пассивно впитывает его устои, а активно с ним взаимодействует, накапливая при этом знания и усваивая моральные и эстетические нормы. Поэтому в действительности индивид и общество взаимно формируют друг друга. Социальный конструктивизм нацелен на изучение путей и способов, которыми такого взаимного «конструирования» можно достичь. Его элементом, «конструктом», является такая идея, которая воспринимается как очевидная теми людьми, кто принимает ее. При этом конструкт принадлежит определенной исторической культуре или общности, то есть не становится универсальным. Каждый человек проявляет избирательность по отношению к социальным конструктам, принимая одни и отвергая другие. Единство и само существование общества возможно при условии схожести восприятия членов общества, а также практического действия в соответствии с этим разделяемым знанием. Из этого социальные конструктивисты делают вывод, что социальная действительность отчасти создается, или «конструируется», этим разделяемым коллективом (в их терминологии – «интерсубъективным» знанием).

В теории международных отношений направление конструктивизма формируется в 1990-е годы как один из вариантов «постпозитивистской революции», ориентированный на адаптацию идей социального конструктивизма к международно-политическим исследованиям. Многие положения конструктивизма развивались в полемике с неореализмом и неолиберализмом. Статус конструктивизма в рамках теории международных отношений оспаривается. Одни исследователи, в особенности сторонники конструктивизма, считают, что это не просто общая теория, а метатеория, которая позволит создавать другие общие теории. Другие считают конструктивизм вполне самостоятельной парадигмой, наряду с неореализмом, неолиберализмом, глобализмом и постпозитивизмом. Наконец, есть точка зрения, что конструктивизм – это часть парадигмы постпозитивизма в силу особенностей методологии и понятийного аппарата [там же, 57-72].

Особенности методологии конструктивизма

Конструктивисты уделяют большое внимание вопросам теории познания (эпистемологии), которая говорит о том, что лежит в основе знания, каковы его пределы, что является предметом изучения и каковы критерии истины. Подобное вторжение в область философии можно понять, однако и вести бы его надо в этой же самой области, а не делать его аргументом в споре с представителями политической науки, смешивая объекты

и предметы разных научных дисциплин. И все же попытаемся понять, на какие новации претендует конструктивизм?

В вопросе эпистемологии критика конструктивистов направлена против эмпиризма, который они приписывают позитивистским подходам в теории международных отношений, включая неореализм, неолиберализм и глобализм. Характерно, что при этом конструктивисты подразумевают под позитивизмом его упрощенный, исходный вариант времен Огюста Конта, который в начале XIX века призывал окончательно очистить научное знание от остатков религиозного сознания и метафизики, понимаемой как отвлеченное рассуждение. Рецепт О. Конта сводился к тому, что отныне всякая наука должна опираться на проверяемые опытом суждения. Науке следует отказаться от абстрактных фантазий, отвлеченных понятий и рассуждений при изучении общества. Путь всякой «позитивной науки», по Конту, является «простым исследованием законов, то есть постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями» [Конт, 1844]. Обращаясь к современным «позитивистам», конструктивисты объявили, что отождествление науки с эмпиризмом при изучении сложных общественных явлений давно устарело.

Если эмпиризм опирается на объективную данность изучаемого предмета, то конструктивисты предлагают учитывать не столько объективную данность, сколько субъективные факторы, которые влияют на восприятие. Действительно, человек, познающий общественные законы, одновременно вовлечен в общественную деятельность, управляемую этими законами. Он зависит от накопленного в обществе предыдущего знания, от своего социального статуса, от культурных, идеологических, конфессиональных и иных предпочтений. Более того, в процессе познания меняется сам познающий субъект, что влияет на его дальнейшее восприятие окружающего мира.

Отсюда конструктивисты приходят к убеждению, что претензия позитивизма на знание в отрыве от влияния субъективного начала становится несостоятельной. Попытка ввести в методологию исследования политических явлений субъективное начало как противовес объективному и получило название *рефлексивистского поворота*, характерного для постпозитивистских теорий. Чрезмерное увлечение рефлексивизмом выразилось в отказе отделять познающий субъект от предмета познания, а потому пришлось по-иному решать проблему истинности. Вслед за субъектом политики истина неизбежно оказывается множественной, всегда имеющей альтернативы. Для конструктивиста не существует всеобщих, универсальных истин вне их отношения к позиции наблюдателя и социального культурно-исторического контекста. Никто не может претендовать на позицию независимого наблюдателя, лишённого точки отсчета и обладающего «взглядом на мир глазами бога», по выражению представителя аналитической философии Хилэри Патнэма [Putnam, 1981].

Социальные конструктивисты считают, что невозможно познать истину до конца, то есть получить абсолютную истину. С этим можно согласиться, однако далее они абсолютизируют относительность истины: с каждым поколением отношение к прошлому, оценка

конкретных событий и личностей могут радикально меняться. Кстати, именно в этом ключе в западной научной и публицистической литературе идет пересмотр итогов второй мировой войны и вклада СССР в победу над фашизмом. С позиций философского релятивизма конструктивисты считают, что задача научного исследования заключается не в установлении истины, а в налаживании диалога между разными точками зрения, чтобы в итоге получить палитру мнений, полную разнообразия. Все эти мнения должны быть равными по статусу, никакая иерархия здесь не допустима. Лозунг конструктивизма – «полифония в науке лучше и интереснее, чем монолог позитивизма».

Для конструктивистов критерий истинности увязывается не с традиционным со времен Аристотеля критерием соответствия суждения действительному порядку вещей, а с *полезностью суждения* для субъекта политики. В современном обществе научное знание все больше становится средством «создания» действительности путем интерпретации происходящего. В этой связи сообщество ученых исполняет не только функцию экспертов, но и направляет такое созидание. История как бы стекает с кончика пера мыслителя, озвучивается политиками и средствами массовой информации, входит в сознание людей и потом реализуется многомиллионными массами на практике [Петренко, 2011].

Как и неореалисты, конструктивисты используют понятие структуры для изучения политики, но понимают его гораздо шире, чем только отношения, как это делает структурный реализм Кеннета Уолтса, например. В социальные структуры они включают также идеи, культуру, общественные нормы и правила, речевую практику, политические процессы и формирующиеся на их основе социальные роли субъектов политики. Под структурой понимается комплекс отношений и формирующих их условий, которые вместе влияют на социальные роли – прежде всего, на политическое поведение субъектов политики.

Благодаря социальным ролям становится возможным взаимопонимание и взаимное приспособление субъектов политики, будь то уровень государства или международная система в целом. Один из основоположников конструктивизма А. Вендт представляет три идеальных типа социальных ролей: «враг», «соперник» и «друг». Им соответствуют определенные способы упорядочивания международной системы: по Гоббсу, по Локку и по Канту. Акцент конструктивистов на социальной природе международных отношений предполагает, что структура оказывает влияние на интересы и идентичности акторов, или «конструирует» их.

Конструктивизм активно использует многие концепции и методы, характерные для постпозитивизма в целом: идентичность, дискурс и дискурсивный анализ, интерсубъективность знания (ставшие общезначимыми для участников дискурса смыслы), тождество речи и действительности, релятивизм в трактовке проблемы истинности, стирание грани между субъективным и объективным. Вместе с тем конструктивизм оперирует и понятиями позитивистских теорий (структурное влияние, анархия, суверенитет, национальный интерес), придавая им собственную трактовку.

Еще одна методологическая особенность социального конструктивизма заключается в том, что он предложил считать метод другой науки, а именно метод дискурсного анализа, взятый из лингвистики, главным для теории международных отношений. Лингвистические методы использовались общественными науками и раньше, но они всегда имели статус вспомогательных, уступая место специально-научным методам (например, в истории такими методами остаются хронологический, синхронный, диахронный, сравнительно-исторический).

Эволюция конструктивизма

Появление социального конструктивизма относят к 1990-м годам, но после теракта 11 сентября 2001 года в США происходит новый всплеск интереса к этой теории на фоне проявления так называемого «парадокса безопасности», когда традиционные атрибуты силы государства оказались бесполезны перед лицом атаки нескольких террористов. Это дало еще один мощный толчок к пересмотру традиционных подходов к изучению безопасности в различных аспектах, включая, помимо терроризма, проблемы неуправляемой миграции, охраны здоровья, политического диссидентства и прав различного рода меньшинств [Mcdonald, 2008, 563].

Принято выделять два направления в эволюции конструктивизма: умеренный (представитель – А. Вендт) и критический, или радикальный, конструктивизм (представитель – Д. Кэмпбэл). Оба направления имеют одни и те же исходные намерения: показать, что политические институты – это не априорная данность для человека, а продукт социального взаимодействия (конструирования); категория интерсубъективного знания необходима для того, чтобы понять социальную природу политики; чтобы понять подлинное значение факта, его происхождение и смысл нужно интерпретировать с учетом социально-политического контекста; между знанием и властью существует тесная связь, и она реализуется как мощная социальная сила; не только государство, но и личность / общественная группа являются значимым субъектом политики [Hopf, 1998, 182].

Однако радикальный конструктивизм [Inayatullah, Blaney, 1996] по духу ближе к критической теории в стремлении оспорить сложившиеся традиции в теории международных отношений, акцентировать внимание на изменчивости теории и политической практики, создать принципиально новые инструменты анализа политики. В этом плане, если критический конструктивизм резко противопоставляет себя позитивистским теориям, умеренное направление скорее стремится «мимикрировать» под традиционные подходы, предлагая свои интерпретации концепций и методов теории международных отношений.

Различия между критическим и умеренным конструктивизмом ярко проявляются в понимании идентичности. Умеренные конструктивисты выявляют ее содержательные аспекты и предлагают объяснения, как они могут влиять на действия субъекта политики. «Кри-

тики» же не просто изучают идентичность, а идут дальше: выясняют мотивацию людей, почему они верят в определенную интерпретацию событий, чтобы затем опровергнуть мифы, связанные с процессом формирования идентичности. Тем самым они как бы очищают идентичность от ложных представлений и показывают ее реальную эволюцию. Попутно «критики» открыто признают, что сами непосредственно участвуют в воспроизводстве и фиксации общественных явлений, которые они наблюдают, потому что наблюдатель и субъект политики не могут быть разделены. «Умеренные» избегают последнего утверждения и вместо этого говорят о том, что различные субъекты политики связаны между собой сетью различных интерпретаций.

Говоря о природе идентичности, «умеренные» обращаются к познавательным корням или вообще не углубляются в эту тему, а «критики» рассматривают идентичность как продукт отчуждения. Для того, чтобы понять свое «я», необходим «другой». Причем отношения различия с «другим» складываются по принципу установления либо господства, либо подчинения. Вообще, «критики» связывают идентичность с практикой насилия, в то время как «умеренные» остаются нейтральными. По иронии судьбы, критические конструктивисты сближаются с неореалистами, поскольку, как и они, видят иерархию, подчинение и доминирование во всяких социальных отношениях [Hopf, 1998, 183-185].

Новое видение проблем безопасности

Конструктивизм предложил свое видение важнейших проблем теории международных отношений, начиная с проблемы безопасности. Конструктивисты критикуют традиционный подход к безопасности, который тесно связан с защитой национальных интересов. Они считают, что позитивистские парадигмы делают неверный акцент на объективность этих интересов: для неореалистов национальные интересы состоят в обеспечении безопасности, для неолибералов – в либеральной модернизации экономических и политических институтов, для значительной части глобалистов – в укреплении экономического могущества.

Собственные построения по вопросу безопасности начались с критики неореализма, который уделяет этой теме наибольшее внимание. Как и неореализм, конструктивизм признает структурное влияние на политику государств. Но если в неореализме речь по существу идет об одностороннем системном влиянии на государство, то конструктивизм подчеркивает двусторонний характер этого взаимодействия. Если неореализм придерживается довольно статичного понимания структуры, конструктивизм подчеркивает ее постоянную изменчивость. Отсюда возникает иное толкование ряда положений в рассуждениях о природе и содержании безопасности.

В интерпретации Александра Вендта [Wendt, 1999, 10] они выглядят следующим образом. Трактовка анархичности, предложенная неореализмом, устарела. Ее не следует считать объективным и постоянным свойством международной системы. Она «рукотворна»,

поскольку конструируется отношениями государств в конкретных исторических условиях. Кроме того, одна и та же международная система дает основание для того, чтобы понимать степень анархичности по-разному. Для достаточно сильного государства анархия в традиционном смысле уже не так актуальна, как для государства, не способного влиять на важные международные процессы, как, например, контроль над распространением вооружений. Вслед за А. Вендтом конструктивисты убеждены, что традиционные теории политики серьезно недооценивают тот факт, что международная жизнь в значительной мере зависит от убеждений и ожиданий, которые государства формируют друг о друге, на которые уже затем влияют материальные факторы (например, сила). Политика баланса сил также не является неизбежной и главной тенденцией в отношениях государств. Характер отношений между ними имеет социальную природу, потому что он в значительной степени определяется процессами взаимодействия. Поэтому от политики баланса сил можно отказаться, если удастся на практике добиться сотрудничества – «сконструировать» иные отношения.

Критикуя положение неореализма о национальных интересах как зеркале проблем безопасности, конструктивисты подчеркивают, что национальные интересы, с одной стороны, постоянно меняются, а с другой – их восприятие всегда субъективно, поэтому интересы необходимо уточнять на основе постоянного исторического и политического переосмысления истории. По выражению Фридриха Кратовила [Kratowil, 1989], история – это не канонические тексты, зафиксированные в смысловом отношении навеки, а постоянно меняющаяся социальная реальность. Тексты существуют в рамках научного дискурса, который порождает все новые интерпретации, а новые смыслы затем меняют социум. Вместо изменчивых и субъективных по содержанию национальных интересов конструктивисты предлагают использовать категорию идентичности и сквозь ее призму определять безопасность.

Концепция идентичности во многом противостоит рационалистическому пониманию природы государства и человека. Она предполагает, что субъекты политики и их интересы выступают как продукты социального конструирования: «Фундаментальный принцип конструктивистской социальной теории заключается в том, что люди воздействуют на объекты, включая и других акторов, на основе того смысла, который эти объекты имеют для них» [Wendt, 1992, 391-392]. Таким образом, идентичность государства формируется из двух составляющих: восприятие самого себя и восприятие другими государствами.

Конструктивисты соглашаются, что идентичность тоже не является чем-то застывшим и на ее содержание влияет постоянное взаимодействие с другими участниками международных отношений. Конструктивизм учит, что идентичность возникает эмпирически, из опыта взаимодействия, и может быть сформулирована только с учетом конкретных исторических условий. Вместе с ними идентичность государства меняется во временном протяжении.

Соблюдая собственный принцип неразрывности субъекта и предмета познания, конструктивисты не просто тесно увязывают интересы государства с понятием идентичности государства, но фактически предлагают считать интересы частью идентичности: «идентич-

ность субъекта включает в себя его интересы» [Hopf, 2002, 16]. Любое государство относится к оппоненту в соответствии с тем, как понимается идентичность друг друга. Одновременно государство демонстрирует свою идентичность другим, воспроизводя ее в каждодневной политической практике через дипломатию, торговлю, политические и культурные связи.

Сказанное означает, что не существует национальных интересов, построенных исключительно на объективных экономических выгодах или обеспечении безопасности, как считают неореалисты или неолибералы: они всегда включают момент субъективного восприятия и себя, и политического оппонента. Политические лидеры, выступающие от имени государства, стремятся решить свои задачи в том числе при помощи конструируемых образов собственных государств и влияния на образ других участников международных отношений по линии дипломатии и СМИ.

Правда, при этом вовсе не обязательно, что результирующий образ на практике получится именно таким, как его мыслит носитель идентичности или тот, кто пытается повлиять на формирование идентичности. Так, Россия безуспешно решает задачу поменять свою идентичность в глазах США и Европы, которые склонны искать в ней скрытые неоимперские амбиции. США не удается убедить всех в том, что после окончания холодной войны они вновь являются лидером не только западного, но и всего мира.

Другая особенность концепции безопасности состоит в ее нормативном характере и смене референта безопасности. Это означает, что безопасность основана на приоритете ценности человека как главной цели политики вообще. По шкале гуманитарных ценностей интересы безопасности личности ставятся выше интересов государственного суверенитета. Тем самым государство перестает быть главным референтом безопасности, что столь характерно для позитивизма. Конструктивисты считают, что референтом безопасности должна стать личность или общественная группа. Личностная безопасность не означает жесткой привязки к индивидууму. Согласно логике конструктивизма и постпозитивизма в целом, проблемы безопасности формируются в рамках данного государства или региона, но могут распространяться и дальше, порождая конфликтные ситуации между группами людей и государствами. Это касается, в частности, распространения наркотиков, терроризма, болезней, голода и т. д. При таком подходе личностная безопасность выступает как тождественная международной и глобальной безопасности.

Конструктивисты утверждают, что безопасность определяется главным образом различиями в идентичности: степени близости культур и общественной практики людей, народов и образуемых ими государств. В этой логике повестка политики безопасности меняется в зависимости от изменений идентичности, а не под влиянием того, что неореалисты называют объективными условиями, например в результате изменения баланса сил. Вообще, конструктивисты вместо четкой фиксации содержания понятия безопасности предпочитают говорить о том, как ее восприятие постоянно меняется в обществе. В меняющейся динамике взаимодействий содержание безопасности вслед за идентичностью не может претендовать

на окончательность, это всегда интерпретация, а не доказываемое утверждение, претендующее на истинность. Например, Б. Максвине называет безопасностью «выбор, который мы делаем, исходя из моральных суждений о человеческих потребностях, а не просто об опасениях» [McSweeney, 1999, 91-92]. Очевидно, что в определение безопасности через «потребности» способны попасть любые проявления жизни человека.

Содержание безопасности у конструктивистов может наполняться самыми разными аспектами, вплоть до морально-этических принципов или экологии. В этом смысле конструктивизм обращается к тому, что традиционно принято называть «мягкими» и «жесткими» аспектами безопасности. Но в итоге концепция безопасности прямо подменяется вопросом об идентичности, возникающим в различных сферах: экономической, военной, политической, культурной, экологической или иных. Например, Дэвид Кэмпбел так и пишет, что безопасность следует понимать не как защиту территориальных границ от внешней угрозы, а как границу идентичности данного общества [Campbell, 1998, 156]. Угроза безопасности, согласно конструктивизму, имеет реальные корни в несовпадении идентичностей людей, народов и государств. Но тогда чтобы понять на практике, в чем состоит проблема безопасности, надо ответить на вопрос: как общество осознает угрозу?

Для этого конструктивисты активно привлекают лингвистические подходы. В частности, они экстраполируют идеи Ф. де Соссюра о знаковой природе языка на политическую деятельность, а затем отождествляют языковые и политические процессы. Это делается путем приравнивания политической практики к языковой практике, то есть реального факта к истолкованию значения термина в речи (в текстах). Для конструктивистов все то, что не находит отражения в текстах, не существует как социальная действительность. Вслед за Л. Витгенштейном они повторяют: «пределы нашего языка представляют пределы нашего мира». Данный подход противопоставлен традиционному «позитивизму», который обращается к факту как явлению объективно существующей действительности.

Вполне понятно, что конструктивизм не может оставить вопрос о безопасности в пассивном состоянии, просто наблюдая за тем, как общество осознает внешние и внутренние проблемы. Необходимо выявить какие-то движущие силы в обществе, влияющие на это осознание и хоть куда-то его направляющие от хаоса индивидуальных рефлексий. Для этой цели вводится концепция власти в обществе, которая обеспечивается знаниями, культурой, идеологией, риторикой, то есть власти, имеющей дискурсивную природу. Носитель этой власти в значительной мере влияет на то, как общество реагирует на проблему безопасности. Таким носителем может выступать не только государство, но и различные сообщества экспертов или даже отдельные интеллектуалы.

Идея «власти-знания» была заимствована у яркого представителя постмодернизма Мишеля Фуко, который утверждал: «Когда я вижу ваше стремление доказать, что марксизм является наукой, я, по правде говоря, не думаю, что вы в состоянии раз и навсегда доказать рациональную структуру марксизма и, следовательно, верифицируемость его тезисов. Я

вижу, что вы в состоянии сделать другую вещь. А именно, придать марксистскому дискурсу и тем, кто его осуществляет, функции власти, которой Запад со средневековья наделял науку и ученых» [Фуко, 2005, 13]. Дополнительными источниками концепции «власти-знания» послужили идеи неомарксиста Антонио Грамши об идеологической гегемонии и социолога Макса Вебера о дифференциации форм насилия.

В заслугу конструктивистам следует отнести попытку развить само понятие дискурсивной власти, которое отражает один из аспектов концепции «мягкая сила», широко используемой многими парадигмами. Важно отметить, что дискурсивная власть не просто обеспечена идеальными составляющими, упомянутыми выше, но также состоит в способности изменять общезначимые (интерсубъективные) смыслы, используя для этого различные каналы коммуникации: науку, публицистику, культурный обмен, дипломатию. Тем самым она влияет на социальные структуры и поведение субъектов политики, становясь социальной практикой. Так, военное вмешательство США во Вьетнаме изначально определялось такими составляющими государственную идентичность, как «великая держава», «союзник», «враг», «империалист». Но военные действия как практика привели одновременно к изменению элементов, составляющих американскую идентичность. Длительное продолжение интервенции усиливало идентичность «империалист» в глазах многих государств. Для конструктивистов это означает изменение структурных отношений на уровне международной системы. Меняются границы интерсубъективных значений участников взаимодействий, а вместе с ними сами взаимодействия и идентичность участников. Таким образом, безопасность рассматривается только как результат дискурса, то есть осознание обществом степени угрозы реконструируется путем анализа совокупности текстов.

Наиболее оригинальная версия изучения проблемы безопасности, в которой синтезированы многие описанные выше подходы, представлена в *теории секьюритизации*, разработанной с участием представителя Копенгагенской школы мирных исследований Оле Вэвера и британского ученого Барри Бузана, увлекшихся конструктивизмом. Затем их идеи были подхвачены не только конструктивистами, но и другими постпозитивистами.

Понятие секьюритизации имеет два значения. С одной стороны, оно указывает на самую высокую степень оценки угрозы обществу или его части, связанную с выживанием, которая определяется с помощью лингвистического анализа отобранных политических текстов (дискурса). С другой стороны, секьюритизация – это политизация проблемы, то есть процесс устойчивого воспроизводства состояния угрозы в дискурсе, направленный на то, чтобы изменить политические приоритеты общества¹. Для конструктивиста термин «угроза» получает свое значение не потому, что таково реальное положение дел, а потому, что *так положение представлено в речи (тексте)* [Buzan, Waver, Wilde, 1998, 24].

Концептуально секьюритизация опирается на противопоставление типа «свой / чужой», которое лежит в основе постоянного изменения идентичности. Таким образом, процесс се-

1 В таком случае, чтобы подчеркнуть процессуальность, используется термин «securitizing move».

кьюритизации неразрывно связывается с понятием идентичности. Причем каждая данная опасность достигает качества секьюритизированной только тогда, когда она воспринимается как угрожающая жизни, становится *экзистенциальной угрозой* обществу или другому референту безопасности [Buzan, Waver, 2003, 491]. Конструктивисты поясняют, что, конечно, не дискурс как таковой заканчивается секьюритизацией. Его участники должны иметь политический авторитет и влияние в данном обществе. Фактически речь идет о научной и политической элите, которая способна реализовать концепцию дискурсивной власти. Эти носители дискурсивной власти названы «эпистемическим сообществом».

В качестве примеров экзистенциальных угроз для современных западных обществ популярный среди конструктивистов радикальный философ Славой Жижек [Zizek, 2005] называет терроризм, насилие со стороны правых движений популистского толка (неофашизм) и иррациональное насилие молодежи в пригородах (выходцы из Африки во Франции). Процесс секьюритизации опасности не является необратимым, – снижение степени опасности получило название *десекуритизации*, если диалог удастся вернуть в русло политического.

И здесь самое время обратить внимание на важную особенность теории секьюритизации: безопасность определяется через категорию выживания, что означает неизбежную перспективу выхода за пределы обычных процедур и применение чрезвычайных мер принуждения, выходящих за рамки публичной политики. Примечательно, что авторы теории секьюритизации опираются на идеи известного сторонника правых идей Карла Шмитта, который писал, что «политическая противоположность – это противоположность самая интенсивная, самая крайняя». В природу политического К. Шмитт заложил непримиримый конфликт, утверждая, что ««другой» есть не что иное как «враг»... понятие «враг» предполагает лежащую в области реального эвентуальность борьбы» [Шмитт, 1992, 35-67].

По существу, секьюритизация опасности означает вывод ее за пределы всякого политического диалога. Это создает легитимные и морально привлекательные рамки для решения проблем безопасности с исключительных позиций, например от имени «всего цивилизованного мира». Противопоставление себя другому, который предварительно выводится через секьюритизацию за пределы правового поля, является подготовкой следующего шага – использовать любые средства против оппонента. Применение насилия против «варвара» уже не нуждается в легитимации.

Правда, часть конструктивистов предлагают не ограничивать природу секьюритизации собственно языковой сферой. Они считают, что роль коммуникации играют образы как неязыковые формы репрезентации смыслов. Именно в этом ключе трактуется роль карикатур на пророка Мухаммеда как визуальных форм секьюритизации [Moler, 2007, 179-196]. Кроме того, сугубо лингвистическая трактовка секьюритизации не учитывает политической практики, которая тоже является ее частью, способствуя формированию смыслов. Однако даже в этом случае речь все еще идет о знаковой природе смысла, которая порождается через ту

или иную форму коммуникации, превращая не только образы, но и саму практику в вид коммуникации [McDonald, 2008, 569].

Представители «Парижской школы» конструктивизма в лице Дидьера Биго [Bigo, 2002, 63-92] и других идут еще дальше от узкого понимания секьюритизации. Они считают, этот процесс нельзя сводить к речевым актам, потому что секьюритизация происходит под влиянием речевых актов и политической практики как самостоятельных факторов. В качестве примера такой практики приводится пограничный контроль. Тогда природа секьюритизации должна быть связана не только с речевыми актами, но и с принципами, которые создают сети профессионалов, имеющих отношение к политике безопасности, и изучением условий, которые позволяют реализовать дискурсивную власть.

Критика конструктивизма

Претензия конструктивизма на радикальную революцию в общественных науках в целом и в теории международных отношений в частности имеет довольно шаткие основания. В самом деле, приписывание современным общественным наукам недостатков позитивизма времен О. Конта выглядит по крайней мере некорректно. К примеру, еще во второй половине XIX века учение К. Маркса обогатило общественные науки методом диалектического анализа, то есть умением мыслить единое в противоположном, строить суждения от частного к общему и наоборот. Уже тогда состояние общественных наук намного «переросло» позитивизм О. Конта. Получается, что конструктивисты сначала безосновательно приписывают оппоненту ярлык несостоятельности, а затем с этой же несостоятельностью спорят.

Последовательное воплощение идеи «вечного» диалога мнений вместо фиксирования пусть и относительной, но истины, ведет к тупику и бессмысленности научного познания как такового. Сопоставление различных точек зрения не может быть бесконечным. Рано или поздно исследователи, (уважительно) обсудив различные мнения, должны подвести итоги дискуссиям и зафиксировать обобщения, претендующие на истину, чтобы двигаться вперед. В противном случае будет бесконечное топтание на месте, движение по замкнутому кругу, полифония превратится в какофонию и в конце концов наступит ситуация саморазрушения науки. Не имеет логических оснований само встраивание чисто философской проблематики в предметную область теории международных отношений.

Как и другие направления постпозитивизма, конструктивизм страдает от недостаточной определенности концепций. Центральное понятие идентичности, из которого выводится критерий безопасности, в работах конструктивистов осталось гораздо более расплывчатым и неопределенным, чем критикуемый ими «национальный интерес» неореалистов. В самом деле, концепция идентичности по своей природе апеллирует к категориям социологии и социальной психологии, а не к политологии. Видимо, именно поэтому так и не удалось создать вразумительную концепцию о механизме формирования идентичности и ее содер-

жании. На этом фоне примечательно, что многие конструктивисты считают, что этого и не нужно делать, потому что идентичность уже и так стала «знаменем» многих направлений в теории международных отношений [The culture of national security..., 1996, 34]. Но в такой ситуации совершенно не понятно, чем же конкретно, кроме заклинаний адептов, концепция идентичности лучше традиционных подходов при изучении безопасности?

Критику вызывает и методологическая эклектика. Перенос дискурсного подхода из лингвистики в политические исследования для изучения безопасности осуществляется конструктивистами некорректно. Вслед за постструктуралистами конструктивисты подменяют социальную действительность совокупностью текстов, между которыми происходит (или не происходит) взаимодействие. Вольно или нет, но большинство конструктивистов следуют лозунгу постструктурализма «ничего нет вне текста». Более умеренные конструктивисты, пытающиеся говорить о роли практики как самостоятельном факторе, лишь окончательно запутываются в исходных постулатах конструктивизма о тождестве речи и действительности. Кроме того, критерий, по которому отбираются тексты для анализа, обычно остается «за кадром» или автор просто резервирует это право за собой. Это ставит под вопрос и представительность выборки речевого материала, и обоснованность выводов о «смыслах», на что претендует конструктивизм.

С другой стороны, если тексты принадлежат достаточно узкому кругу элиты, «эпистемическому сообществу», от лица которой решается вопрос о безопасности, то где же здесь место для объективности получаемого знания? Факт предварительно пропускается сквозь субъективные линзы, заодно обесценивая смысл рефлексивистского поворота. Ведь, казалось бы, то субъективное, которое должно дополнить объективное в процессе познания, на деле его просто замещает. Факт угрозы признается действительным фактом только после того, как он стал фигурой речи «эпистемологического сообщества». Шаткость подобного подхода, обреченного на *реагирование и элитарность*, а не упреждающий объективный анализ, показывает хотя бы угроза внезапной атаки террористов по типу 11 сентября в США. Попытки отождествить речевую практику достаточно узкой группы лиц с реальным политическим процессом вольно или невольно ставят вопрос о прямой манипуляции общественным сознанием.

Теория секьюритизации по определению носит эмпирический и частичный характер, поскольку имеет дело с речевым отражением политических процессов, а не с самой действительностью. И потом, совершенно не понятно, почему проблема безопасности ставится столь узко: речь идет только об экзистенциальной угрозе. Между тем в современной политике актуальны как раз вопросы «мягкой» безопасности, едва ли подпадающие под угрозы выживания, а значит, и выпадающие из теоретического анализа. Акцент на чрезвычайных мерах реагирования на угрозу также вызывает вопросы, поскольку лишает смысла политическое регулирование. Чтобы разрешить эту коллизию, многие конструктивисты прибегают к расширительному толкованию секьюритизации. Но в своем пределе такой поход, включающий анализ речевой и политической практики как самостоятельных явлений, изучение

их взаимосвязи и влияния других факторов, размывает главные новации конструктивизма (о безопасности как сугубо речевой практике, о тождестве речевой практики и политики). Либо уж придется признать, что секьюритизация мало отличается от традиционного изучения политического процесса и его составляющих, что делает избыточным термин и понятие «секьюритизация».

Пересмотр от традиционной государство-центричной модели безопасности в пользу личностной безопасности сам по себе оригинален и полезен, но в таком случае остается открытым важнейший вопрос: как и кто будет примирять несовпадающие интересы индивидуумов и общественных групп? Есть ли в современном обществе иной механизм общественного регулирования, который заменит «устаревшее» с точки зрения конструктивизма государство? Быть может, речь должна идти не об отказе от государства как главном референте безопасности, а о сочетании национальной и личностной безопасности? [Коньшев, 2014, 178-193].

Конструктивизм слишком сосредоточен на процессуальности политики, он отказывается фиксировать понятия, включая безопасность, и в этом смысле он ближе не к теории, а к теоретическому направлению, пока не получившему достаточно ясного методологического и концептуального завершения. Собственно, теории международной политики конструктивизм не предлагает, чему в немалой степени способствуют присущие ему принципы субъективизма и релятивизма.

Заключение

Несмотря на высказанную критику, необходимо отметить, что конструктивизм заслуженно пользуется популярностью как в зарубежной, так и в отечественной политической науке. Он способствует развитию исследовательского интереса к новым различным способам анализа, в числе которых изучение влияния собственной исторической, расовой, национальной, культурной и другой принадлежности на политические взгляды, роли языковых факторов в политическом процессе, социальной активности как политического фактора, социальной природы политического, роли личности и общественных групп в политическом процессе. Главная проблема конструктивизма видится в несовершенстве методологии.

Конструктивизм отличает новаторская попытка ответить на вопросы, которые остались открытыми для неореалистов: как угроза безопасности осознается обществом и различными общественными группами, как общество отмечает для себя врага, как меняется состояние опасности в общественном сознании, какими историческими и иными факторами обусловлены особенности восприятия опасности? Примечательно, что в данном случае конструктивизм с его социологическим взглядом на безопасность способен удачно развить концепцию неореалиста Стивена Уолта, который еще в конце 1980-х годов дополнил концепцию баланса сил балансом агрессивных намерений противника.

Библиография

1. Конт О. Дух позитивной философии (1844, параграф 12). URL: <http://comte.newgod.su/lib/duh-pozitivnoj-filosofii>.
2. Коньшев В.Н. Постпозитивизм о личности как новом референте безопасности: критический анализ // Политэкс. 2014. № 1. Т. 10. С. 178-193.
3. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых великих дебатов? // Полис. 2013. № 2. С. 66-78.
4. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Философские основы политической теории постпозитивизма // Теории и проблемы политических исследований. 2014. № 1-2. С. 57-72.
5. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=338&Itemid=52.
6. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1975-1976 гг. (лекция от 7 января 1976 г.). СПб.: Наука, 2005. 312 с.
7. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35-67.
8. Bigo D. Security and immigration: toward a critique of the governmentality of unease // *Alternative*. 2002. Vol. 27. Special Issue. P. 63-92.
9. Buzan B., Wæver O. *Regions and powers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
10. Buzan B., Wæver O., Wilde J. *Security: a new framework for analyses*. London: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
11. Campbell D. *Writing security: US foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis: University of Minnesota, 1998. 295 p.
12. Inayatullah N, Blaney D. Knowing encounters: beyond parochialism in IR theory // *The return to culture and identity in IR theory* / ed. by Y. Lapid, F. Kratochwill. Boulder: Lynne Rienner, 1996. P. 112-154.
13. Hopf T. *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Politics*. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 300 p.
14. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory // *International Security*. 1998. Vol. 23. № 1. P. 171-200.
15. Kratochwil F. *Rules, Norms and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 328 p.
16. McDonald M. Securitization and the construction of security // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14. № 4. P. 563-587.
17. McSweeney B. *Security, identity and interests: a sociology of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 245 p.
18. Moler F. Photographic interventions in post-9/11 security policy // *Security dialog*. 2007. Vol. 38. № 2. P. 179-196.

19. Putnam H. Reason, truth and history. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 222 p.
20. The culture of national security: norms and identity in world politics / ed. by P. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.
21. Wendt A. Anarchy is What States Make of it // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2 (Spring, 1992). P. 391-425.
22. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 425 p.
23. Zizek S. Some politically incorrect reflections on violence in France and related matters. 2005. URL: <http://lacan.com/zizfrance.htm>.

Social constructivism on security problems

Valerii N. Konyshev

Doctor of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University,
191060, 1/3 Smol'nogo st., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: konyshev06@mail.ru

Aleksandr A. Sergunin

Doctor of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University,
191060, 1/3 Smol'nogo str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sergunin60@mail.ru

Sergei V. Subbotin

PhD in History, Associate Professor,
National Research University "Higher School of Economics" in Nizhnii Novgorod,
6031556, 25/12 Bol'shaya Pecherskaya str., Nizhnii Novgorod, Russian Federation;
e-mail: ssubbotin@hse.ru

Abstract

The authors discuss the concept "security" from the perspective of social constructivism presenting popular school in modern international relations theory. Social constructivism is considered as a theory belonging to so-called post-positivist paradigm parallel with post-feminism, post-maxims, and postmodernism. Methodological principles and basic concepts which

constructivism applies to study security issues are discussed. They are social construction, identity, sameness of discourse and political processes, discourse analysis, and securitization. Authors concluded that social constructivism has disadvantages including eclectics, weak basic statements and methodological principles, unclear concepts and notions introduced by representatives of constructivism. But in spite of these shortcomings, constructivism proposes new vision on security agenda in the aspects that were insufficiently explored by more traditional ("positivists") theories of international relations.

For citation

Konyshv V.N., Sergunin A.A., Subbotin S.V. (2016) Sotsial'nyi konstruktivizm o problemakh bezopasnosti [Social constructivism on security problems]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 3, pp. 94-112.

Keywords

Post-positivism, social constructivism, securitization, discourse analysis.

References

1. Bigo D. (2002) Security and immigration: toward a critique of the governmentality of unease. *Alternative*, 27, pp. 63-92.
2. Buzan B., Wæver O., Wilde J. (1998) *Security: a new framework for analyses*. London: Lynne Rienner.
3. Buzan B., Wæver O. (2003) *Regions and powers*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Campbell D. (1998) *Writing security: US foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis: University of Minnesota.
5. Fuocault M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lektsii, pročitannykh v Kolledzhe de Frans v 1975-1976 gg. (leksiya ot 7 yanvarya 1976 g.)* [We should defend society: course of lectures delivered in College de France in 1975-1976 (Lecture on January 7, 1976)]. St. Petersburg: Nauka Publ.
6. Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Politics*. Ithaca: Cornell University Press.
7. Hopf T. (1998) *The promise of constructivism in international relations theory*. *International Security*, 23 (1), pp. 171-200.
8. Inayatullah N., Blaney D. (1996) *Knowing encounters: beyond parochialism in IR theory. The return to culture and identity in IR*. Boulder: Lynne Rienner, pp. 112-154.
9. Kont O. (1844) Duh pozitivnoy filosofii [Spirit of positive philosophy], section 12. Available from: <http://comte.newgod.su/lib/duh-pozitivnoj-filosofii> [Accessed 13/02/2016].

10. Konyshev V. (2014) Postpositivism o lichnostnosti kak novom referente bezопасosti [Postpositivism about human as new security referent: critical analysis]. *Politeks*, 10 (1), pp. 178-193.
11. Konyshev V., Sergunin A. (2013) Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: kanun novykh velikih debatov? [Theory of international relations: the eve of new great debates?]. *Polis*, 2, pp. 66-78.
12. Konyshev V., Sergunin A. (2014) Filosofskiye osnovy politicheskoy teorii pospositivizma [Philosophical origins of postpositivist political theory]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political studies], 1-2, pp. 57-72.
13. Kratochwil F. (1989) *Rules, Norms and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. McDonald M. (2008) Securitization and the construction of security. *European Journal of International Relations*, 14 (4), pp. 563-587.
15. McSweeney B. (1999) *Security, identity and interests: a sociology of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Moler F. (2007) Photographic interventions in post-9/11 security policy. *Security dialog*, 38 (2), pp. 179-196.
17. Petrenko V. *Konstruktivism kak novaya paradigma v naukah o cheloveke* [Constructivism as a new paradigm in human sciences]. Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=338&Itemid=52 [Accessed 13/02/2016].
18. Putnam H. (1981) *Reason, truth and history*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Shmitt C. (1992) Ponyatie politicheskogo [Notion of political]. *Voprosy sotsiologii* [Issues of sociology], 1, pp. 35-67.
20. Katzenstein P. (ed.) (1996) *The culture of national security: norms and identity in world politics*. New York: Columbia University Press.
21. Wendt A. (1992) Anarchy is What States Make of it. *International Organization*, 46 (2), pp. 391-425.
22. Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Zizek S. (2005) *Some politically incorrect reflections on violence in France and related matters*. Available at: <http://lacan.com/zizfrance.htm> [Accessed 13/02/2016].